

Ю.П. Чемякин^{1✉}, А.В. Кулаева²

¹Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

²Сургутский краеведческий музей
Сургут, Россия

E'mail: yury-che@yandex.ru

Городище Барсов городок I/20 среди кулайских древностей Барсовой горы

В статье впервые рассматриваются жилища и керамический комплекс городища кулайской культуры Барсов городок I/20 в окрестностях Сургута (правый берег р. Оби, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Памятник получил известность своей обороной, включающей два бастиона. На его территории найдены клад и погребение кулайской культуры. Но до сих пор не было анализа построек, обнаруженных при раскопках. Изучение полевой документации выявило ошибки первых исследователей городища. Отмечена неправильная трактовка ими ряда почвенных слоев. Дана реконструкция остатков построек из первого и второго раскопов памятника. Она учитывает современные представления о стратиграфии и формировании культурного слоя в регионе. Выяснилась более мощная оборонительная система, чем предполагалось ранее. Типологический, планиграфический и стратиграфический анализы коллекций выявили одновременность памятника. Основной керамический комплекс относится к кулайской культуре. Немногочисленные фрагменты сосудов белоярской и калинkinской культур свидетельствуют о предшествующих периодах заселения площадки в раннем железном веке. Однако объектов, связанных с ними, не обнаружено. Вероятно, они были наземными и разрушены при строительстве городища. Выполнен статистический анализ кулайского керамического комплекса. Проведено сравнение его с другими подобными комплексами из Сургутского Приобья. Определено его место среди других кулайских памятников Барсовой горы. Городище относится к концу среднего – началу позднего этапа существования кулайской культуры в Сургутском Приобье. Некоторые индивидуальные находки – бронзовые наконечники стрел, культовое литье, украшения – свидетельствуют о проживании на нем элиты местного общества. Косвенно на это указывает оригинальная оборонительная система, включавшая два бастиона (башни). Этому не противоречат клад и погребение шамана (?), найденные на городище, с которыми, вероятно, связано прекращение его функционирования.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, ранний железный век, кулайская культура, городище, керамика.

Y.P. Chemyakin^{1✉}, A.V. Kulaeva²

¹Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

²Surgut Museum of Local History
Surgut, Russia

E'mail: yury-che@yandex.ru

Fortified Settlement of Barsov Gorodok I/20 among the Kulaika Antiquities of Barsova Gora

For the first time this article describes the dwellings and pottery complex of the Kulaika culture from the fortified settlement of Barsov Gorodok I/20 in the vicinity of the city of Surgut on the right bank of the Ob River in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra. The site is known for its defense structures, including two bastions. A hoard and burial of the Kulaika culture were found on its territory. Until now, the buildings discovered during the excavations have not been analyzed. The study of field documentation revealed errors in interpretation of some soil layers at the site by its first researchers. A reconstruction of the remains of the buildings from the first and second excavation pits, proposed in this article, takes into consideration the current state of research about stratigraphy and formation of cultural layers in the region, revealing more powerful defense system than it was formerly thought. Typological, planigraphic, and stratigraphic analyses of the collection revealed different periods

of the monument's existence. The main pottery complex was attributed to the Kulaika culture. Several fragments of vessels of the Beloyarka and Kalinka cultures indicate earlier periods of habitation at the site in the Early Iron Age, but no associated objects were found – these structures might have been built on ground and were destroyed during construction of the settlement. The Kulaika pottery complex was compared with other similar complexes in the Surgut-Ob region using statistical analysis, and its position among other Kulaika sites in Barsova Gora was established. The settlement can be dated to the late middle–early late stages of the Kulaika culture in the Surgut Ob region. Individual finds such as bronze arrowheads, ritual castings, and jewelry suggest that the local elite lived there. This is indirectly supported by the original defense system which included two towers. This is not contradicted by the discovery of a hoard and burial (of a shaman?) at the settlement. These findings are likely associated with the final stage of its functioning.

Keywords: Surgut Ob region, Early Iron Age, Kulaika culture, settlement, pottery.

Введение

Городище Барсов городок I/20 находится в урочище Барсова гора на правом берегу р. Оби, в 8–15 км к западу от г. Сургута. Известность урочище получило после раскопок шведским исследователем Ф. Мартином могильника Барсов городок в 1891 г., долгие годы являвшегося важнейшим источником по средневековой истории таежного Приобья. Но подлинное открытие богатств Барсовой горы состоялось в результате многолетних спасательных работ Уральской археологической экспедиции Уральского государственного университета. Здесь на площади ок. 6 км² выявлено свыше 400 археологических объектов от неолита до Нового времени. Среди датированных памятников (более 60) сургутского варианта кулайской культуры: селища, городища, могильники, культовые места, клад [Чемакин, Зыков, 2004; Чемакин, 2008].

Схематический план городища Барсов городок I/20 был снят еще в 1925 г., а в 1972, 1973 и 1988 гг. были сняты его детальные планы. В 1978, 1986–1988 и 1991 гг. городище подверглось частичным раскопкам. Оно имело два бастиона и выделялось среди других кулайских укрепленных поселений урочища Барсова гора. В.А. Борзуновым памятник отнесен к числу бастионных городищ. Анализ его оборонительных сооружений приводится в нескольких работах [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 324; Борзунов, 2002, с. 82–86, рис. 10; и др.].

На территории памятника были обнаружены клад культовых вещей и погребение, предположительно, шамана, которые неоднократно публиковались [Бельтикова, 2002, 2008; Бельтикова, Борзунов, 2017; Борзунов, 2002, 2016; Борзунов, Стефанов, 2016; Клад..., 2016; Ширин, 2017; и др.]. Но до сих пор во всех публикациях отсутствовала характеристика материала самого городища, описание выявленных объектов, сравнение его с комплексами других памятников. Нами был выполнен планиграфический и стратиграфический анализ коллекции из раскопок 1978 и 1986 гг.

Городище находится на берегу протоки Утопляя (правый коренной берег р. Оби), высота которого здесь достигает 11–13 м. Оно имеет подтрапеще-

видную форму с двумя подпрямоугольными выступами с северной и юго-западной сторон – остатками бастионов или башен (рис. 1). Городище было обнесено валом, развал которого достигает 3–4 м при высоте до 1,3 м, и внешним рвом шириной до 3–4 м и глубиной 0,5–1,2 м. В оборонительной системе есть разрывы шириной 2–3 м (один с южной и два с северо-западной сторон), связанные, вероятно, с выходами. Восточная половина городища уничтожена оползнем берега. Сохранившаяся площадь памятника ок. 1 620 м² (70 × 33 м). На внутренней площадке в 1973 г. отмечено 12–13 впадин, часть из которых была окружена обваловкой. Фиксировались также старые шурфы. Позже в результате выпаса скота ряд объектов был сnivelирован.

Характеристика объектов в раскопе 1

В 1978 г. Н.В. Федоровой раскопом площадью 234 м² были частично исследованы северный бастион и впадина на краю берега в северо-восточном углу городища (рис. 2) [Федорова, 1979]. Впадина осталась от слегка углубленного жилища. Его котлован имел подпрямоугольную форму с закругленными углами, размер сохранившейся части 6,5 × 5,0 м (юго-восточный край разрушен обрывом берега). С западной стороны он был углублен на 15–20 см. Вдоль юго-западной стены реконструируется углистая полоса шириной 1,8–2,5 м и толщиной 5–15 см, внутри которой, ближе к разрушенному краю жилища, зафиксировано более интенсивное углистое овальное пятно размером 1,1 × 0,9 м мощностью 7–10 см. Возможно, эта полоса осталась от нар, за пределами которых котлован ступенькой понижался еще на 25–30 см.

Рядом с нарами, у их северного угла, находился очаг 1 (или выкид из очага). Он имел изогнуто-овальную форму, размер 1,3 × 0,5 м и представлял собой линзу темно-бурой гумусированной супеси с включениями мелких пережженных косточек, керамики. Прокал под ней не выявлен. С другой стороны нар на ступеньке (?) зафиксированы две ямы 1,4 × 0,6 и 1,0 × 0,4–0,75 м, глубиной 15 и 17 см соответственно, заполненные подзолом. Не исключено, что в действительности были зарисованы не сами ямы, а их верхнее

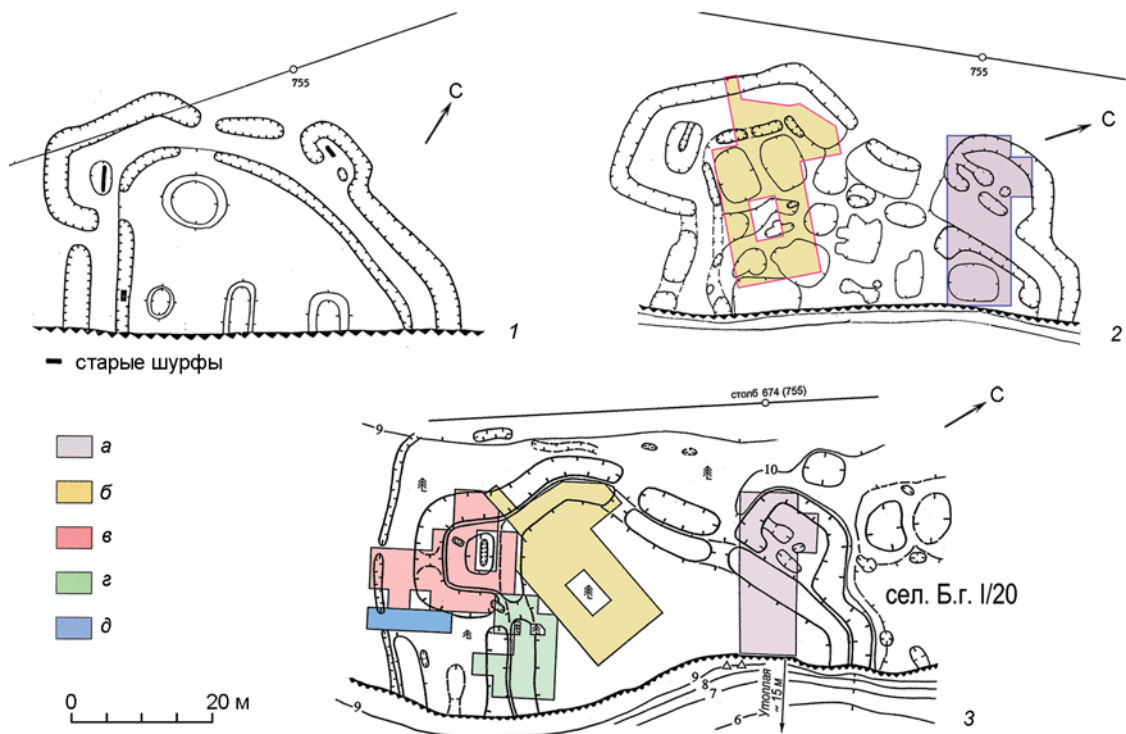

Рис. 1. Городище Барсов городок I/20. Общий план.

1 – съемка В.М. Морозова, 1972 г.; 2 – съемка под рук. Ю.П. Чемякина, 1973 г., раскопы по: [Федорова, 1979; Бельтикова, 1988]; 3 – съемка В.А. Борзунова, 1988 г. (по: [Клад..., 2016]).

а – раскоп 1 Н.В. Федоровой, 1978 г.; б – раскоп 2 Г.В. Бельтиковой, 1986–1987 гг.; в – раскоп 3 В.А. Борзунова, 1988 г.; г, д – раскопы 4, 5 В.А. Борзунова, 1991 г.

выщелоченное заполнение – частая ошибка в первые годы работ на тюменском Севере.

За пределами нар, в северо-восточной половине глубина котлована достигала 40–50 см. Его заполнение, по описанию Н.В. Федоровой, представляло собой «золотисто-коричневую спрессованную супесь». Пол неровный, с понижением к центру. Граница между ним и материком на большей площади жилища не уловлена. В северном углу котлована отмечен очаг 2 в виде овальной линзы темно-бурой гумусированной супеси с включениями мелких пережженных косточек, керамики, размером $2,0 \times 1,7$ м и толщиной 15–25 см. Нахождение открытого очага в самом углу котлована заставляет предполагать, что стены жилища отстояли от последнего минимум на 1,0–1,5 м. В пользу этого говорят и развалы сосудов, обнаруженные под обваловкой на уч. В/2. Подобные постройки – с углубленным центром – известны как на Барсовой горе, так и за ее пределами [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 288–290].

К северо-западу от жилища с внешней стороны наблюдались четыре ямы размерами от $1,15 \times 1,1 \times 0,25$ до $2,1 \times 1,3 \times 0,5$ м, откуда, видимо, брался песок для присыпки стен снаружи. Еще одна яма была отмечена только в профиле. В действительности размеры и глубина ям были больше, т.к. фиксировались не сами ямы, заполненные желтым песком, близким

материковому, а ярко выраженные слои подзола в них (см. выше). Крайняя северо-западная яма размером $2,6 \times 1,1 \times 0,7$ м, возможно, связана с канавой (рвом), окружавшей бастион и фиксировавшейся на поверхности, но не отмеченной при раскопках (уч. В–Г/2–3). Но более вероятно, что ровик возник из цепочки ям, окружавших жилище.

Под валом между жилищем и бастионом в профиле выявлена линза очажного слоя длиной 1,2 м и толщиной до 13 см, незафиксированная в плане. Под ней отмечен прокол мощностью 6–8 см. Не исключено, что очаг относился к предшествующему периоду заселения площадки.

Ров вокруг бастиона (башни?) вошел в раскоп с трех сторон, кроме северо-восточной. Ширина его достигала 2,5–2,8 м при глубине не менее 1,0–1,5 м. Посередине бастиона был оплывший шурф, вероятно, конца XIX – начала XX в. Площадка, ограниченная рвом, имела размер ок. $10,0 \times 6,0$ м. Значительную часть ее занимала обваловка. Материала для реконструкции бастиона практически нет. Н.В. Федорова писала, что «насыпь северного бастиона аналогична валу. Размеры его по осевым линиям $7,5 \times 7,5$ м. Центр нарушен старым шурфом и траншеей, прорезающей ров городища. Высота бастиона 0,4–0,6 м» [Федорова, 1979, с. 5–6]. Можно отметить значительный (до 40 см) перепад уровня погребенной почвы (подзо-

ла) внутри него, а также уклон поверхности в направлении ко рву. Прослойки подзола в насыпи вала, разрывы в погребенном подзоле свидетельствуют о незафиксированных конструкциях, углублениях (ямах или канавах) внутри бастиона, особенно с восточной стороны. Разрыв во рву между бастионом и площадкой городища шириной ок. 1,7 м маркирует проход на бастион. Внутри бастиона найдены обломки 7–10 сосудов, в т.ч. происходящих из жилища.

В самой постройке были фрагменты не менее 60–70 сосудов, обломки тиглей, каменный оселок. Кроме них, в южной части жилища найден кожаный мешочек с тремя бронзовыми наконечниками стрел и, рядом с ним, бронзовая культовая фигурка (рис. 3, 20–23). Из очага 2 (?) происходит стеклянная бусина.

Характеристика объектов в раскопе 2

Г.В. Бельтиковой в 1986–1987 гг. раскопом площадью 304 м² в юго-западной части городища исследовались два жилища, примыкавшие ко второму бастиону, и пространство к востоку от них (см. рис. 1, 2, 3) [Бельтикова, 1988]. Оба имели чуть углубленные подпрямоугольные котлованы. Жилище, находившееся у северо-западного въезда на городище, северной и западной стенками вплотную подходило к валу. Котлован имел четырехугольную форму, размер 7,8 × 2,7–3,2 м, глубину 0,27–0,32 м от уровня погребенной поверхности. Стенки его почти вертикальные, дно очень неровное, изрытое ямами. Близко к его центру выявлены остатки очага в виде овальной линзы темно-коричневой супеси с кальцинированной костяной крошкой, угольками и дробленой керамикой, размером 2,5 × 1,2 × 0,24 м. Под ней отмечен проквал 1,0 × 0,4 × 0,05 м. Коридорообразный выход был зафиксирован у северо-восточного угла с длинной стороны жилища, уходил за пределы раскопа. Ширина его 1,9 м. Пол

у выхода заметно углублен, углубление имело форму траншейки длиной свыше 2 м, шириной 0,43–0,76 м. Часть ям, выявленных ниже уровня пола, возникла до сооружения жилища. С внешней стороны жилища

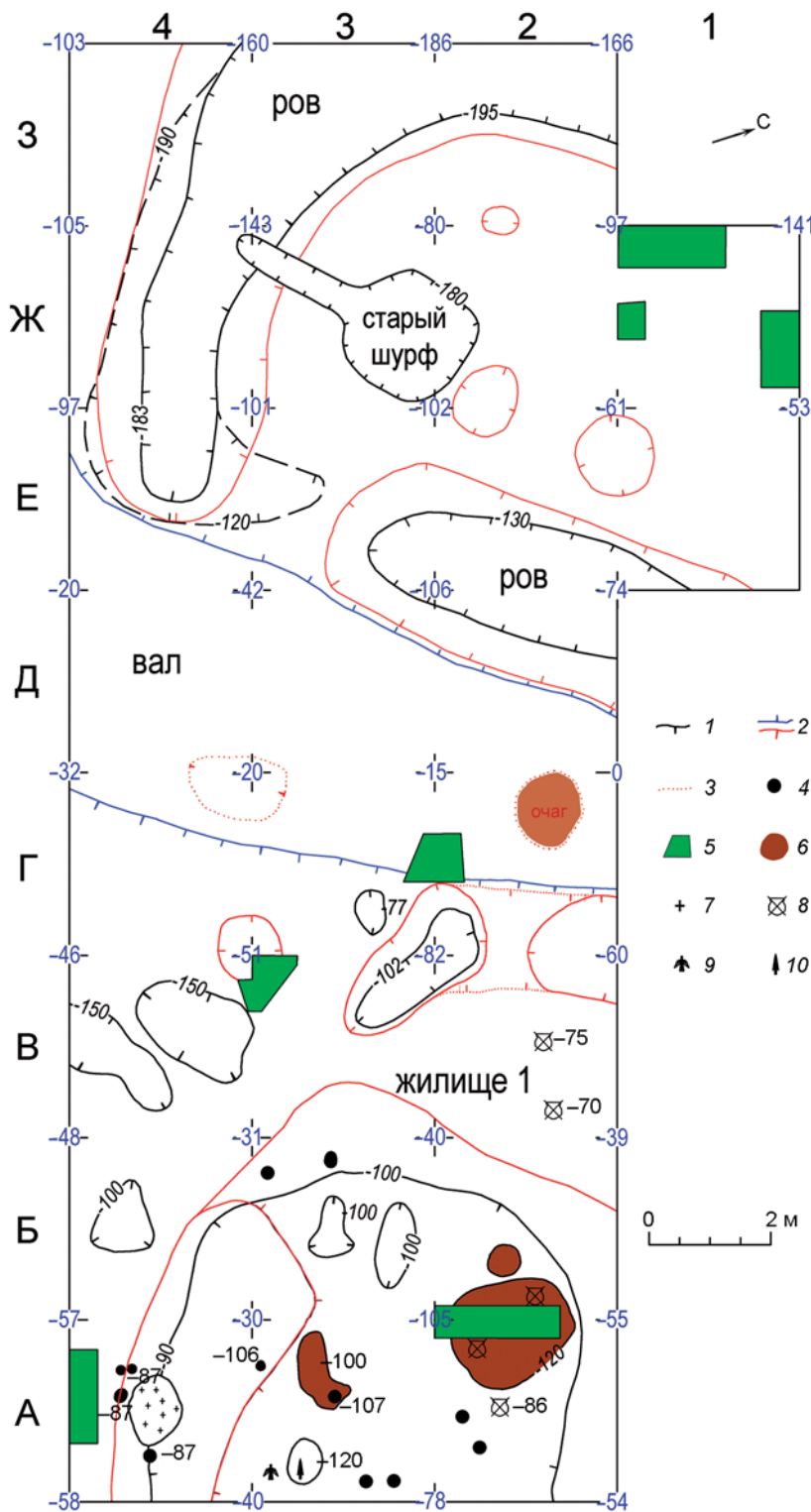

Рис. 2. Городище Барсов городок I/20, раскоп 1 (1978 г.).

1 – границы объектов (по: [Федорова, 1978]); 2 – реконструируемые границы объектов; 3 – предполагаемые объекты на основе полевых материалов; 4 – ямки от столбов (?); 5 – деревья; 6 – очаги; 7 – угли; 8 – развалы сосудов; 9 – культовое литье; 10 – бронзовые наконечники стрел.

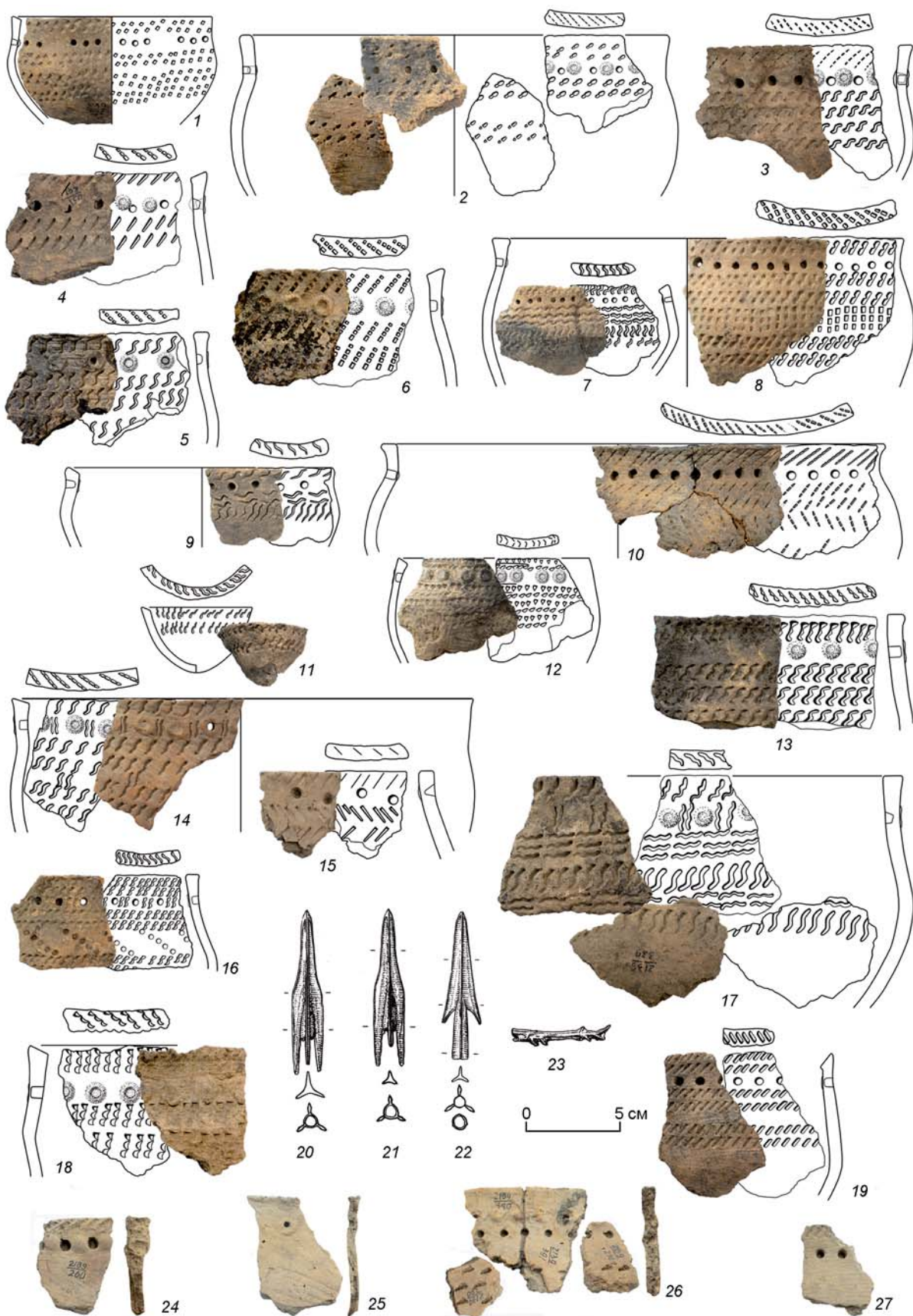

Рис. 3. Городище Барсов городок I/20, раскоп 1 (1978 г.).

1–19 – керамика кулайской культуры; 20–23 – бронзовые изделия; 24–27 – керамика калининской культуры.

зафиксированы три ямы, из которых с ним, по мнению Г.В. Бельтиковой [1988, с. 10], связаны две.

Почти вплотную к этому жилищу, примерно в 2–2,5 м к югу от него, находилось другое, расположенное у южного въезда на городище. Его южная и западная стенки примыкали к насыпи вала. Котлован жилища размером $6,8 \times 6,2$ м, глубиной 0,4–0,6 м от уровня погребенной почвы имел форму неправильного четырехугольника с коридорообразным выходом в сторону юго-восточного въезда на городище. Ширина выхода 2,4 м, длина – 1,8 м. Очаг в виде овальной линзы темно-коричневой гумусированной супеси с угольками и мелкими пережженными косточками был несколько смещен к востоку от центра постройки, находясь напротив выхода. Его размер $2,0 \times 1,1 \times 0,06$ м, диаметр прокала под ним 0,76 м, толщина 5 см. В очажном слое найдены керамика и камни. По Г.В. Бельтиковой [1988, с. 11], в трех углах жилища, кроме северо-западного, находились крупные ямы. В одной из них, напротив выхода, рядом с очагом, найдено скопление керамики и камни. Мы полагаем, что, по крайней мере, одна из ям могла быть внешней. Вдоль северной стенки жилища, возможно, находились нары. Напротив северо-восточного угла постройки было обнаружено погребение, а у юго-западного угла – клад, включавший 54 предмета. И погребение, и клад достаточно освещены в литературе (см. выше).

Восточнее жилищ зафиксированы канавы, ямы, постройки хозяйственного назначения и другие объекты. Их анализ – предмет другого исследования. Отметим лишь, что в культурном слое раскопа 2, кроме многочисленной керамики, найдены бронзовые антропоморфная личина, нож, трехчастная пронизка, обломки тиглей, каменные орудия.

Анализ полевой документации и многолетний опыт работы в Ханты-Мансийском автономном округе позволяют утверждать, что оборонительная система городища была более мощной, чем это предполагали первые исследователи, зафиксировавшие не ров, а мощный клин подзола, образовавшийся в нем. Глубина рва составляла, видимо, не менее 1,5–2,0 м при ширине до 2,5–3,2 м. Развал вала достигал 3,5–4,0 м при высоте до 0,6 м. Вал был сложен желто-серой супесью.

Нами был проанализирован* керамический комплекс из двух жилищ и пространства вокруг них (1986 г. раскопок) – 99 сосудов, в т.ч. 80 кулайской культуры. Результаты опубликованы [Челякин, 2025]. В коллекции абсолютно преобладают горшковидные формы (60 %). Котловидные сосуды составляют 15 %, переходной от горшковидной к котловидной формы – 22,5 %. Единичны маленькие чашечки. Наличие фрагментов округлых днищ и отсутствие плоских

говорит о том, что все емкости, очевидно, были круглодонными. Было проведено сравнение коллекции из раскопа 2 с рядом кулайских комплексов, в т.ч. опубликованных [Морозов, Челякин, 2005, табл. 1–3], по таким признакам, как форма и орнаментация венчика, вид разделительного пояса (рис. 4; 5), техника орнамента и элементы узора (см. рис. 4, 5 в статье Ю.П. Челякина «Ранние кулайские поселения на Барсовой горе» в этом сборнике). Близкие показатели получены при анализе керамики из раскопа 1 1978 г. (см. рис. 3, 1–19).

Сравнение показало наибольшую близость керамической коллекции городища Барсов городок I/20 комплексам городища Барсов городок I/5 и селища Барсова гора IV/13. К такому же выводу относительно городища I/5 на основе технико-технологического анализа керамики пришел Д.В. Селин [Селин, 2022, с. 712]. Эти памятники предварительно датируются рубежом эр – началом I тыс. н.э. [Борзунов, Стефанова, 2001, с. 104]. В Нарымском Приобье с сургутскими сравнимы кулайские сосуды 5 и 6 групп (по: [Чиндина, 1984]).

В раскопе 2 найдены также фрагменты 12 сосудов белоярской культуры, концентрировавшиеся в основном на площади ок. 20 м² в центре раскопа. Вероятно, здесь была белоярская постройка, на месте которой позже сформировался кулайский слой. По одному фрагменту от трех калинкинских (?) сосудов обнаружены в переотложенном слое в северо-западной части раскопа. Единичные фрагменты калинкинских сосудов найдены и в раскопе 1 (см. рис. 3, 24–27).

На памятнике в разные годы были найдены бронзовые оружие (кожаный мешочек с набором наконечников стрел), культовая металлопластика, украшения. Бронзовые крестовидная бляха, личина и остатки пояса с медными накладками обнаружены в погребении [Бельтикова, 2008, рис. 1, 1–6]. Клад содержал 52 украшения из цветного металла, стеклянную бусину и обломок железного молотка. Подобные находки нельзя считать рядовыми. На наш взгляд, они принадлежали людям высокого социального статуса (вождям, воинской прослойке, шаманам), проживавшим на городище, и свидетельствуют о значительном социальном расслоении кулайского общества. Такой же вывод был сделан на основе анализа погребального инвентаря в кулайских могильниках [Челякин, 2022, с. 442–443]. Мы полагаем, что смерть вождя или шамана (вождя-шамана), похороненного рядом с жилищем 2, могла послужить причиной запустения городища.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-28-00650 «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века Сургутского Приобья», <https://rscf.ru/project/24-28-00650/>

* Обработка керамики проводилась по программе, предложенной В.Ф. Генингом [1973].

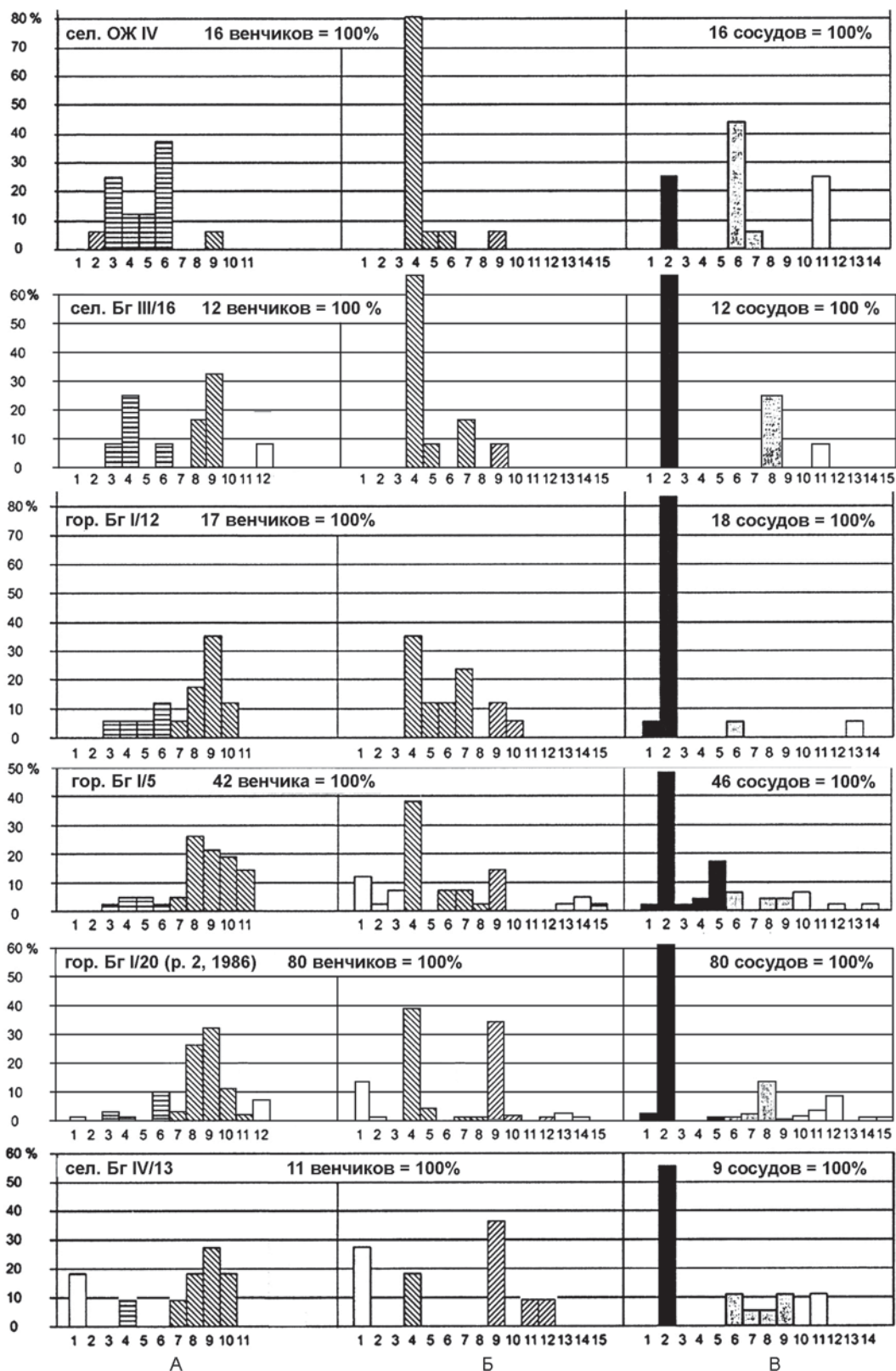

Рис. 4. Характеристика венчиков и виды разделительных поясков на сосудах из кулайских поселений Сургутского Приобья.

А – форма венчиков; Б – орнаментация венчиков; В – вид разделительного пояса.
сел. ОЖ – селище Остяцкий Живец; сел. Бг – селище Барсова гора; Бг – городище Барсов городок.

№ признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
форма венчика															
орнаментация венчика	—														
вид разделительного пояса	—														

Рис. 5. Коды признаков к рис. 4.

Список литературы.

Бельтикова Г.В. Отчет о раскопках городища Барсов городок I/20 в Сургутском районе Тюменской области в 1986 г. – Свердловск, 1988. – Архив ИА РАН, Р-1, № 14914, 63 л.

Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. мат-лы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – С. 203–206.

Бельтикова Г.В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 24–27.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад в Сургутском Приобье // РА. – 2017. – № 4. – С. 124–141.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. – 2002. – № 3. – С. 79–97.

Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад с Барсовой горы: сравнительный анализ и хронология // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2016. – Вып. 14. – С. 67–143.

Борзунов В.А., Стефанов В.И. Уникальный кулайский клад с Барсовой горы: общая характеристика // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. – Вып. 14. – С. 32–67.

Борзунов В.А., Стефанова Н.К. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов. – Сургут: РИО Сургут. гос. педагог. ун-та, 2001. – С. 96–109.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–136.

Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея) / А.В. Агаркова, В.А. Борзунов, А.Я. Труфанов. – Екатеринбург; Сургут: Караван, 2016. – 128 с.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 201–230.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1994. – Т. 1: Поселения и жилища, кн. 1 / отв. ред. Л.М. Плетнева. – 485 с.

Селин Д.В. Особенности гончарного производства носителей сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (по материалам городища Барсов городок I/20) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 706–713. – doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0706-0713

Федорова Н.В. Отчет о раскопках городищ I/20, I/25 и I/26 в районе г. Сургута на Барсовой Горе в 1978 г. – Свердловск, 1979. – Архив ИА РАН, Р-1, № 7243, 44 л.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Чемякин Ю.П. Кулайское погребение в лодке на Барсовой горе // Археология евразийских степей. – 2022. – № 2. – С. 436–445. – doi:10.24852/2587-6112.2022.2.436.445

Чемякин Ю.П. Место городища Барсов городок I/20 среди кулайских древностей Барсовой горы (по результатам сравнительно-типологического анализа керамики) // Тр. VII (XXIII) Всерос. археол. съезда: в 3 т. Т. II / отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. – Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2025. – С. 94–96.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: Омский печатный двор, 2004. – 208 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Ширин Ю.В. Обсудим подробности... // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2017. – Вып. 15. – С. 480–498.

References

Agarkova A.V., Borzunov V.A., Trufanov A.Y. Klad kulaiskoi kul'tury na Barsovoi Gore: katalog (iz sobraniya Surgutskogo kraevedcheskogo muzeya). Yekaterinburg; Surgut: Karavan, 2016. 128 p. (In Russ.).

Beltikova G.V. Otchet o raskopkakh gorodishcha Barsov gorodok I/20 v Surgutskom raione Tyumenskoi oblasti v 1986 g. – Sverdlovsk, 1988. Arkhiv IA RAS, R-1, No. 14914, 63 l. (In Russ.).

- Beltikova G.V.** Kulaiskii klad s Barsovoi gory. In *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2002. P. 203–206. (In Russ.).
- Beltikova G.V.** Pogrebenie kulaiskoi kul'tury na gorodishche Barsov gorodok I/20. In *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya*. Yekaterinburg; Surgut: Ural. Publ., 2008. P. 24–27. (In Russ.).
- Beltikova G.V., Borzunov V.A.** A unique kulayka hoard in the Surgut Ob area. In *Russian archaeology*, 2017. No. 4. P. 124–141. (In Russ.).
- Borzunov V.A.** Gorodishcha s bastionno-bashennymi fortifikatsiyami rannego zheleznogo veka v lesnom Zaural'e. In *Russian archaeology*, 2002. No. 3. P. 79–97. (In Russ.).
- Borzunov V.A.** Unikal'nyi kulaiskii klad s Barsovoi gory: sravnitel'nyi analiz i khronologiya. In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Press, 2016. Iss. 14. P. 67–143. (In Russ.).
- Borzunov V.A., Stefanov V.I.** Unikal'nyi kulaiskii klad s Barsovoi gory: obshchaya kharakteristika. In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Press, 2016. Iss. 14. P. 32–67. (In Russ.).
- Borzunov V.A., Stefanova N.K.** Kulajskij “poselok iz odnogo dvora” na Barsovoj Gore i nekotorye problemy izuchenija kulajskoj obshhnosti. In *Materialy po arheologii Ob'-Irtys'h'ja*. Surgut: Surgut State Pedagog. Univ. Press, 2001. P. 96–109. (In Russ.).
- Chemyakin Y.P.** Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut; Omsk: Omskii dom pečati, 2008. 224 p. (In Russ.).
- Chemyakin Y.P.** Kulai burial in a boat on Barsova Gora. In *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2022. No 2. P. 436–445. (In Russ.). doi:10.24852/2587-6112.2022.2.436.445
- Chemyakin Y.P.** Mesto gorodishha Barsov gorodok I/20 sredi kulajskih drevnostej Barsovoj gory (po rezul'tatam sravnitel'no-tipologicheskogo analiza keramiki). In *Trudy VII (XXIII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda: in 3 vol. Vol. II*. Krasnoyarsk: Sibirian Federal Univ. Press, 2025. P. 94–96. (In Russ.).
- Chemyakin Y.P., Zykov A.P.** Barsova gora: arkheologicheskaya karta. Surgut; Omsk: Omskii dom pečati, 2004. 208 p. (In Russ.).
- Chindina L.A.** Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulaiskaya kul'tura. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1984. 256 p. (In Russ.).
- Fedorova N.V.** Otchet o raskopkakh gorodishch I/20, I/25 i I/26 v raione g. Surguta na Barsovoi Gore v 1978 g. Sverdlovsk, 1979. Arkhiv IA RAS, R-1, No. 7243, 44 l.
- Gening V.F.** Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. In *Soviet archaeology*, 1973. No. 1. P. 114–136. (In Russ.).
- Morozov V.M., Chemyakin Y.P.** Beregovye kulaiskie gorodishcha na Barsovoi Gore. In *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri*. Yekaterinburg: Ural. State Univ. Press, 2005. P. 201–230. (In Russ.).
- Pletneva L.M. (ed.)**. Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri, vol. 1. Poseleniya i zhilishcha. Book I. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1994. 485 p. (In Russ.).
- Selin D.V.** Pottery Production among the Carriers of the Surgut Variant of the Kulaika Cultural and Historical Community (Evidence from the Settlement of Barsov Gorodok I/20). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. XXVIII. P. 706–713. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0706-0713
- Shirin Y.V.** Obsudim podrobnosti... In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Press, 2017. Iss. 15. P. 480–498. (In Russ.).
- Чемакин Ю.П. <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>
Кулаева А.В. <https://orcid.org/0009-0004-9034-1876>
- Дата сдачи рукописи 17.08.2025 г.